

Константин Бенкен

Дэва вероятности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=61779056

SelfPub; 2023

Аннотация

Избранные рассказы разных лет, по которым можно проследить художественный путь автора.

Содержание

Мысль	4
Музыка ради любви	9
Метро	12
Го	14
Деревцо	21
Очерк, рассказывающий про бытие индивидуума, первый	25
Телевизор в полстены	29
Выносите частями	31
Tрам number 10	33
Межстрочный Париж	36
Дэва вероятности	40
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Константин Бенкен

Дэва вероятности

Мысль

*Посвящается всему
растительному миру
планеты Земля.*

Не знаю, когда у меня появилось то, что отличает Чеснок от чеснока. Я даже не знаю этого различия, но оно есть. Я знаю, что у меня, да, как и у всех чесноков, есть листья, стебель, и в самом низу чесночины, что-то вроде семян, которыми мы размножаемся надземно, они позволяют размножаться под землей. Еще я знаю, что сейчас лето.

В начале этого лета у меня появилась мысль, что я не хочу размножаться, и поэтому я собрался не выбрасывать стрелку этим летом и не делать больше одной чесночины. Так как каждое лето, как только я выпущу листья, эти листья врали, то есть я их лишался, то у меня постоянно была боязнь того, что меня выкопают. Поэтому я решил свою единственную чесночину вырастить как можно глубже. Еще зимой я догадался, что именно в чесночине я думаю, а точнее она позво-

ляет мне думать и чем больше она, тем лучше и быстрее я думаю. Сразу после того как я выпустил первые листья, истратив почти все силы, но, получив возможность накапливать силы, я пустил корень вниз. Корневище находилось на глубине двадцати сантиметров, а я его хотел опустить на глубину метра или немного больше. На это у меня потребовался месяц. За этот же месяц я сильно увеличил размеры и количество листьев, так как у меня сильно увеличился приток полезных веществ. В то же время я не тратил сил на стрелку, что давало мне некоторый плюс по сравнению с прошлыми годами. Когда корень ушел на глубину метра (там был уже песок), я решил пока остановиться на этой глубине, чтобы успеть сделать большое корневище. Все остальное теплое время года я строил корневище. Надо сказать, что я его сделал не таким, каким делал раньше: я его сделал так, что мог восстановить стебель, который обычно отмирает зимой. Я надеялся, что мне удастся восстановить хотя бы полметра стебля. Всю зиму я думал, что бы мне еще изменить в своей структуре, а весной я из корневища выпустил еще один стебель. Самое странное этим летом было то, что меня не рвали и с тех пор меня не рвали много лет, может быть, забросили этот кусок земли. С двумя стеблями я мог много больше переработать полезных веществ, что позволяло сильно увеличить корневище. Лето было сухое и это подтолкнуло меня к идее пустить толстый корень прямо вниз, чтобы он добрался до воды. За лето я накопил столько сил, что мог

продолжать работу и зимой (на такой глубине земля не замерзает). На глубине три метра я нашел подземную речушку, из которой и начал качать почти всю воду для жизни. Когда у меня появилось три стебля, я мог не приостанавливать весной свои подземные работы. Я пустил глубинный корень еще глубже, через подземную реку, которая была глубиной несколько метров. Под рекой корень наткнулся на твердый слой глины, но я решил попробовать пробиться через него. Пробиваясь через него, я обнаружил, что внутри него есть каверна. С первого корешка я понял, что в ней очень хорошая земля и у меня появилась мысль сделать здесь основной «мозговой центр», то есть основное корневище. Эта каверна находилась примерно на глубине десяти метров. Когда корень прошел весь глиняный слой насквозь и дошел до нового слоя песка, я остановился и полностью занялся каверной. Я поднимал из нее полезные вещества и делал огромное корневище. Когда я заполнил всю каверну, мое корневище было объемом около десяти кубических метров. Я понимаю, что такое количество сил на самом деле не нужно, не буду же я пускать на поверхность сто стеблей, мне этого пока не надо. Но такое невероятное корневище давало мне возможность неплохо думать. К этому времени место, где я рос, сильно заросло и мне стало не хватать солнца. Я пустил корень над самым глинистым слоем, там уже не было речки, но песок был влажный и упрощал мой рост. Метров через триста я наткнулся на болото. После исследования этого бо-

лота, я обнаружил очень хороший остров: очень светлый, так как он находился в середине глубокого болота, и абсолютно пустой, но в тоже время с большим количеством питательных и полезных веществ. Но после «колонизации» болота у меня появилась одна проблема: у меня уходило очень много сил на поддержание всех корней, ведь их общая длина составляла более километра. Но одной зимой я нашел способ, как можно изменить структуру корня и стебля, чтобы тратить намного меньше сил на поддержание корней и стеблей в рабочем состоянии.

У меня стало традицией каждую зиму, примерно месяц, думать. За это время я продумывал, куда я буду расти, создавать ли мне новые корневища, иногда я придумывал разные изменения своей структуры и многое еще. Например, я решил сделать в глиняном слое под островом в болоте большое корневище и соединить его с основным внутри глиняного слоя. Вообще, я почти везде делал двойные связи, у меня много дополнительных корней, которые связывали далекие части меня с основным корневищем, часто они шли под глиняным слоем. Я это делал потому, что не знал и до сих пор не знаю, что случится с моим куском, если он оторвется от основной части. Смогу ли я его присоединить обратно или нет? Я этого не знаю, поэтому не рискую. Еще надо отметить одну интересную особенность: я стал чувствовать что-то новое, например, когда я пустил корень дальше под болото и, пройдя все болото, я наткнулся на полосу камня на глубине

полметра, а над ним было что-то твердое. И там, особенно днем, я чувствовал что-то неприятное, что отталкивало меня от этой полосы. Это не было содержание плохих газов в воздухе, а что-то другое, что я не мог объяснить и понять. После этого открытия я начал расти в другую сторону. И скоро наткнулся на участки, где выращивались странные растения. Эти растения не росли в диком виде. Здесь же я обнаружил чеснок. Только тут я понял, как же сильно я отличаюсь от чеснока, но вспомнил, что очень давно я был точно таким же. А сейчас все отличалось: листья были другой формы и по-другому росли, стебель был другой, а корень и корневище были совершенно другие, в них невозможно было найти ничего схожего, кроме того, что они росли в земле. Что же все-таки отличает Чеснок от чеснока? Это привело меня к очень долгим раздумьям. Но это не ослабило мое желание расти и расти, все дальше и глубже. После этого открытия сделал свой остров в болоте, который состоял только из моих стеблей и листьев. Сил у меня было столько, что я не знал, куда их девать. И я решил пустить корень вниз. Я хотел опуститься как можно глубже на предельную глубину. В это же время я начал расти во все стороны.

Музыка ради любви

*Чтобы не случилось, никогда не плачь,
Играй – и горе не беда.*

*Машина времени «Он играет на похоронах и
танцах»*

Благородный Граф очень удивился, когда новый писатель, решившийся принять участие в его создании, не стал сочинять обычные погони, и отправил его в будущее, да еще для проверки нового, легкого способа борьбы с разбойниками...

Граф, первый раз оказавшись в Париже и быстро выяснив, что его окружают пятидесятые годы двадцатого века, ужаснулся, но скоро пришел в себя, так как, во-первых, вокруг говорили на понятном для него языке, а во-вторых, он уже знал, где найти новый способ борьбы с ненавистными, давно приевшимися похитителями несчастных, краденных множество раз, принцесс и простых красавиц. Это был презамечательный инструмент борьбы, но до него надо было проделать ужасающе длинный путь по перепутанным улицам и улочкам нового, густонаселенного Парижа-монстра.

Идя бодрым и веселым шагам, Благородный Граф, в своем немного шутовском наряде, пресильным образом привлекал к себе внимание, и, таким образом, когда он дошел до

места назначения, вокруг некоего образовалась преобладающая толпа.

В здании, куда он пришел, его встретил старый друг и приятель – Маркиз. Маркиз был предупрежден, что Граф придет и заберет чемодан. Ни тот, ни другой не знали что там лежит. Торжественен был тот момент, когда Благородный Граф, окруженный Маркизом, Бароном с неКрасным носом, Прекрасной Незнакомкой и большущей толпой зевак. В чемодане лежал обычный... саксофон.

– Странно, как этим можно бороться с похитителями? – Выразила свое удивление Прекрасная Незнакомка.

– Сейчас увидим. – Произнес Маркиз, видя, как Граф приложил сакс к губам, и сделал вдохательное движение.

И действительно – когда Благородный Граф стал играть – все поняли, как можно бороться с разбойниками. Музыка, исходящая от Графа с саксофоном, была так прекрасна, что не хотелось никого похищать, ничего не хотелось красть. Через полминуты все пустились в пляс – никто не мог устоять перед музыкой Графа. Прекрасная Незнакомка превратилась в Прекрасную Певицу, ставшую петь под саксофонный аккомпанемент Благородного Графа. Протискиваясь через густейшую толпу, Граф с Певицей вылетели из душного здания на крыльях музыки и любви ко всем на улице. Их встретил гул радости и любви, тут же все пустились в пляс.

В этот счастливейший день Граф играл на огромном количестве свадеб людей, познакомившихся просто на улице

во время танца под его музыку. Этим Благородный Граф доказал, что музыка может помогать людям, осталось только испытать ее на разбойниках в его родном крае.

смотреть и слушать, что же случилось.

Разбойники были такими же людьми, как и все остальные. Граф так расшевелил их души, что они не смогли устоять перед красотой музыки и кинулись освобождать красавиц, для того, чтобы с ними станцевать. Но когда Певица запела своим ангельским голосом, похитители поняли, что поступили нехорошо и, снарядив лошадей, быстрым аллюром поскакали возвращать красавиц в церкви, где их ждали не менее прекрасные женихи и добрые, милые друзья и подруги...

А Благородный Граф и Прекрасная Певица, оставшиеся в лагере разбойников одни, отправились в маленькую, деревенскую церквушку, где и сыграли свою долгожданную свадьбу, после чего удалились на отдых в приведенный в положенный порядок дом Графа...

С тех пор никто из писателей не мог заставить Графа делать то, что ему давно надоело, никогда не нравилось – он просто начинал играть, играть и смотреть на свою прекрасную жену и маленького еще смешного ребенка...

Метро

При желтом свете это незаметно. Но если попадается белая галогеновая лампа фонаря, белочка, с огромным пушистым хвостом, цепляющимся за бампера автомобилей, уже начавшим линять, – замирает, зажав желудь в передних лапках. Ей на хвост, ушки, лапки осторожно ложится снег, снежинка за снежинкой. Иногда она, удивленная снежинкам, пролетающим близко от ресниц, кивает головой. Такие же огромные снежинки спускаются перед белкой на асфальт, камни тротуара, и нежно оседают, не тая, на лучи бледного света, начиная сверкать внутренней красотой. Снег местами покрывает поверхности тонким мягким слоем. Вместе с первым снегом совершают свой полет листья. Первым падает красный кленовый лист...

Медленно кружась, он гипнотизирует белочку. Вдруг он дергается, разворачивается и начинает быстрый взлет, завершающийся небольшой петлей. И опять медленно кружась, лист гипнотизирует белочку своей нижней стороной. Он еще не коснулся земли, а стайка синих липовых листиков начинает свой последний путь...

Свет, плохо проходя через них, создает объемную темно-синюю тень, ограниченную ими же, но упавшими ниже. Тень неоднородна – листья кружатся вокруг всех осей и почти не падают. Время как будто застыло в ожидании мгнове-

ния счастья. В это время на тротуаре, еще не полностью покрытом снегом, ветер поднимает небольшой смерчок черной земли, согретой ночным светом лампы. Он никуда не двигается за свою двухсекундную жизнь, но рядом появляется и незаметно исчезает его сестра-близнец. Эту природную композицию разбавляет тонкий шелковый платочек, выскользнувший из кармана случайного прохожего...

Кусочек тончайшего темного шелка взлетает довольно высоко и, не покрываясь снежинками и не падая, зацепляется за лучи и зависает на долю секунды, почти неподвижно, в кристально чистом воздухе. Белочка быстро захлопывает пушистые глаза, создавая ветерок длинными ресницами, чтобы удержать причудливо-живую картину из красно-синих листьев, бледного света, земли, снега и кусочка шелка. Но тут ее маленькое сердечко екает, и она открывает глаза: «А что если придет Странник и одним лишь касанием разрушит эту причудливо-легкую жизнь. Одним лишь касанием...» Она нервно вгрызается в желудь и перебежками бежит под машинами до следующего белого фонаря, что еще редкость на улицах Петербурга.

Го

Город утренней сырости и серой влажности вел битву на углу Марата и Невского с немногочисленными горожанами, выбравшимися в столь недобрый час на улицы родного города. Метро только недавно проснулось от непродолжительного ночного сна. Многие вышедшие из него – еще нет. Просыпалось весеннее солнце. Его лучи уже ласкали верхние этажи и некоторые улицы, светя в лицо редким прохожим, совершенно недовольным этим слепящим глаза непривычным явлением на улицах родного северного города.

приглашением встретиться где-нибудь во второй половине дня, когда все дневные дела будут улажены и почти забыты. Они договорились встретиться в одном из многочисленных маленьких забегаловок на Невском. А потом решили представиться. Девушка представилась как Юля; молодой человек назвал себя голосом тише положенного этикетом между незнакомыми людьми, и продолжалась серая утренняя тишина, прерванная тем же голосом.

Голод в начале мешал разговору, но, будучи утоленным, он, наоборот, способствовал неторопливому разговору малознакомых молодых, полных энергии, правда, к концу дня немного выдохшихся, людей. Все чаще между ними проскакивали искорки понимания, содружества и чувства, которые обычно являются прерогативой близких и давно знакомых

людей. Постепенно они перестали замечать окружающих посетителей кафе, настолько перестали, что их тоже не замечали. Было мало рассказано про себя, но этой молодежи не надо было слов, понимание и знание приходили без слов. Но разговор не затянулся – два сильно-волевых взгляда встретились в густоте слов и винных паров забегаловки, взгляды, несущие боеголовки более опасные, чем атомная или водородная бомба. Серые и карие глаза, окруженные двумя рядами длинных ресниц, в одном случае естественных, в другом – частично удлинённых, постепенно наполнялись другой жаждой, новым голодом.

Голые плечи еще пахли, несмотря на то, что раньше были под тонкой черной кофточкой, шавермой, съеденной в кафе, благо до ее квартирki было недалеко, совсем рядом, хотя, когда время останавливается от ожидания счастья, трудно говорить о длительности торопливого перехода из одного помещения в другое, из одного состояния в другое, из одного положения в другое. Чуть ниже, ближе к плечу, рука издавала запахи разгоряченной кожи длительно находившейся в плотном объятии синтетического пальто. Еще ниже пахло очень разнообразно: можно было найти места, пахнущие ее работой: то чернилами, то всевозможными препаратами, некоторые кусочки запястья сохранили воспоминание о кожаных перчатках, сильно намокающих в этот весенний период. Ногти, совсем чуть-чуть, источали едковатый аромат свежего лака. Холодно, прикрой меня, а стоит, думаю, да, но

ведь человек так редко, в современном мире, бывает откровенно, честно и, главное, естественно голым.

Голубое постельное белье оттеняло белизну бархатной кожи, по которой так приятно спускались руки и губы. Здесь тоже были запахи, но крайне личные, индивидуальные, не имеющие доступа к внешним сильно пахнущим загрязнителям. И здесь, в ложбинке немного ниже груди, на удивление хорошо пахло какими-то цветами, полевыми цветами, если не ошибаюсь, не ошибаешься, все верно, у меня такие духи, черт. Игра ласок и шуток покатила по еще плохо накатанной дорожке по второму кругу. За окном темнело, и шел серый вечерний дождь, никуда не надо было торопиться. В комнате, особенно в кровати, чувствовалось тепло двух утомленных, но еще не совсем уставших, тел, которые в свою очередь с охотой отдавали излишки энергии. Что потом было сделано в ускоренном варианте – приняли прохладный душ в небольшой ванной на пятом этаже здания старой застройки с высокими потолками. Но, как оказалось после гигиенической процедуры, прощаться еще рано и Юлия захотела показать свое любимое платье – длинное платье с декольте и, конечно же, ее любимого цвета – голубого.

Год только начался, а казалось, что праздник Нового года был века два назад, так увлекла жизнь, исследование тел, страсть, настолько схожая, что воспринималась как одна общая, одна на двоих. Когда сливались две бесконечности тел, время сворачивалось в кольцо страсти, всепоглощающее на

своим недолгом и недалеким пути, не замечающее вокруг ничего и никого, кроме самого себя. Но его все равно не хватало, и год грозил подойти к середине, может быть, это хорошо – лето, да, можно поехать на дачу, на пару недель, а можно и на месяц. Лето все не наступало, и частые дожди часто загоняли в кафешки или в небольшую, давно привычную, квартиру. Не осталось ни одного неизученного кусочка кожи, все становилось привычным, как ни были велики усердия в попытках перемены всего, что только можно, но уже сами эти попытки стали привычными, с этим надо бороться, но как, кто бы знал, мы как автоматы любви. Скоро надо будет праздновать двадцать шестой (хотя невежливо говорить о возрасте дам) от рождества Юли год.

Голова лежала на коленях, и волосы закрывали джинсы полностью. А ведь я потерял обычную, надоевшую за последнее время, привычность к Юле, только когда понял, что плохо ее понимаю, даже чаще чем хотелось бы. И вот она спит у меня на коленях, нам ехать еще четыре остановки, а я рассуждаю о том, что хорошо и что плохо, как маленький, черт бы побрал этот вечер и этот спектакль. Но ничего, все еще изменится, если будет время жить и творить счастье между двумя людьми. Местами проглядывает белая кожа между корнями волос, которые коричневым рассыпающимся бархатом спадали на лицо и ухо. А мне главное не заснуть – проедем до конечной, уверен. Главное не откидываться. Главное держать голову.

Горизонт представляла черная ткань джинсов. Очень четкая граница белое-черное. Как мы с ним – черное и белое, свет и тень, только кто из нас что, вот вопрос, на повестке дня, и он хочет его решить как можно скорее. И так же как волосы, все еще пахнувшие театром, соединяют два цвета, так что-то соединяет нас. Он, кажется, заснул, или нет, кто его знает. Приехали, вставай. Пора переворачивать горизонт.

Госпожа моих мечтаний, скажи, что суждено сегодня сотворить мне. Из какой истории сегодня придется вылезать, получая царапины на пятках и на подмышках. С кем нас сведет судьба на этот раз, и еще раз. А, Юлия, можешь мне сказать. Моя пифия, одурманенная лишь запахом начала жизни весенней, вчерашнего супа и тел, лежащих под оконным стеклом на солнце. Что еще успеет придумать для нас судьба? Осталось всего лишь три часа этого необычного дня, который начался с утра и бутылки молока около входной двери. Надеюсь ничего неприятного. Что это, где, да вот здесь, ой, не надо, щекотно, но ведь в этой складке могло спрятаться невезение, я раньше не видел этой складки, еще месяц назад ее здесь не было. Шелк кожи затягивал на глубинные ласки, которые неожиданно начинались и также стремительно продолжались, не замечая течения бурной реки времени и слов на бумаге. А ласки тем временем погружались все глубже в сознание и доходили уже почти до подсознания. Кажется, я увлекся, госпожа.

Гонец беспощадного времени – будильник. Утро давно

остыло, и сны вернулись домой, прогнанные терпким запахом кофе. Оглянись вперед, ведь мы идем спиной вперед и не видим будущего, оглянись и увидишь лишь прошлое перевернутое задом наперед. Как, например, то одеяло, что на тебе лежит снежной массой. Кофе в кровать, то же самое, что душ в чайнике или ванна в дуршлаге. Слово тоже чего-то гонец.

Голод знаний и жажда приведения фантазий в жизнь тянула их из дому туда, где отдыхает душа и работают мозги – в разные части города, можно сказать, мира. Мир разлагался на две неравные половины, чтобы потом собраться в два разных мира с единым центром в маленькой квартире на пятом этаже. Но часто миры пропадали под напором голода и желания, оставались лишь тактильные ощущения и запахи разгоряченных тел. Работа была отдыхом от приятного объединения двух противоположных миров. То же гнало их обратно – обычный голод.

Голос, негромко разрезающий утренний воздух, сказал – я привык ломать судьбы людей, причем чаще в худшую из сторон. История замкнулась в спираль, и был уже не первый виток, скорее третий или четвертый. Те же волосы, разбросанные по плечам, тот же томный взгляд, ничего не говорящий, те же мысли с обеих сторон, те же повадки. Самое странное, но счастье здесь за углом, улыбнись, протяни руку и оно твое, полностью твое, личное счастье на двоих или троих. И все что осталось – Голос.

Город согревался очередным солнечным весенним утром. Многие прохожие тихо про себя улыбались солнцу и соседям по улице, автобусу. Город и горожане готовились к дневной слякоти и скользили по ночному ледку. Ничего не нарушало тишину, кроме шороха шин и погромыхивания автобуса. Настроение было соответствующее – весеннее. Пора, сказал молодой человек и шагнул в пропасть метрополитена, пора работать. Сегодня никто не прервал его быстрого шага по пути на работу. Скоро я к тебе вернусь, погружаясь в сумрак подземки на станции Пэдингтон, любимый город.

Деревцо

Когда-то мне приснился сон, в котором самым запоминающимся было Деревцо. Этот сон побудил меня создать серию рассказов, где я излагал свои сны почти в неизменном виде, но как путешествие между мирами. До сих пор могу довольно легко представить то деревцо из сна. Не скажу, что оно соответствовало канонам красоты, но притягивало, не позволяло оторвать взгляд и мысль. Сейчас, пока я пишу о нем, деревцо затягивает меня куда-то вдаль и в глубину. И вот однажды, совсем недавно, я встретил его в действительности...

Думаю, что все началось с фразы, цитаты из непостижимого «Пикника»: «А может быть то, что ждал, уже началось, и я кружусь в фантастическом танце...» В том сне было много чего, например, совсем рядом с ним был небольшой каменный крутобокий мостик. Я люблю мосты и реки под ними, у меня даже есть серия фотографий, посвященная мостам и рекам. Деревцо слишком сокровенное, чтобы делать фотографии, хватит того, что я описываю его словами.

Вернемся к тому, о чем я хочу рассказать, то есть к деревцу, которое я встретил там, где совершенно не ожидал, но там, где теперь это совершенно понятно. Если честно, я даже не сразу понял, что увидел, не сразу понял, что это то самое деревцо, хотя потом, когда понял, у меня не осталось ника-

ких сомнений. Я удивлялся, как раньше этого не понял, видимо, не было повода сравнивать, сопоставлять, во внешнем виде не было ничего общего. Вот сейчас, в этот миг написания, понял, что мост тоже одна из характеристик дерева, ведь даже во сне они почти неотделимы – не пространством, а восприятием. Да, все складывается хорошо, даже чересчур.

Но мы опять ушли от главной линии рассказа или она от нас ушла. Вот опять уворачивается, не хочет, чтобы по ней кто-то шел, рассказывал про деревцо и все, что с ней связано. Ничего, не зря же я всю жизнь ищу дорогу и иду по ней, сделал ее своим домом. К слову: во сне к деревцу тоже шла дорожка, вернее даже тропинка, немного необычная, лесная, протоптанная немногими, но часто ходящими лесными жителями, которые должны быть в этом лесу – такую тропинку не могли проложить городские жители или военные. Но, к сожалению, насколько я помню, все это было на другом берегу, а мост не через реку, а через ручеек, втекающий в нее у самого дерева. На моей стороне, тоже был лес, но немного в стороне от реки стояли большие краснокирпичные бараки и люди внутри и вокруг. Еще замечу, что больших дорог не было и там, хотя, мне помнится, что люди были военными, активно занятые своими непонятными, но важными делами. В конце сна, если не ошибаюсь, я побывал (причем не в одиночку) у дерева, где-то на берегу, рядом с мостиком и какими-то каменными развалинами, думаю церкви, в виде фона и декорациями с множеством высоких деревьев, утыкаю-

щихся в небеса где-то за границей зрения. Там был еще обрывистый берег высотой метра полтора с песчано-глинистым склоном, на котором встречались куртинки осок. А может быть, это было на другом берегу – там где, я был в начале.

Вот, мы наконец-то подошли к нашей цели, к концу тропинки, к тому месту, где начинается новая дорога, совсем другая, может быть, еще интереснее. Но место перехода с одной дороги на другую, перекресток, самое тяжелое место для странника, даже не тем, что надо делать выбор (это несложно), а тем, что не хочется идти дальше. Перекресток – самое трудное препятствие в пути. Наверное, их сложность в том, что не так часто они встречаются, даже редко, и непривычны для тех, кто идет, в отличие от самих дорог. Этот перекресток сильно отличается от тех, что я раньше встречал: на нем растет деревцо. Как и положено оно выросло, даже здесь, из темно-коричневой земли. Деревцо очень молодо – ствол почти от самой земли еще зеленый, хотя начали пробиваться серые тона. Листьев немного, но они насыщены теплым цветом, хотя неярким. Зелень листьев смешивается с коричневыми тонами ствола и ветвей, образуя переливчато-расплывчатую окраску всего растения. Сразу видно, что ему здесь не очень хорошо живется, явно не хватает сил для цветения, как в прямом, так и в переносном смысле. Несмотря на все это, я уверен, что это то же самое деревцо, оно так же непонятно-притягательно, в том числе благодаря своей необычности, привнесенное извне на территорию дорог или неболь-

шое, не прямое в мире буйного, почти тропического лесного мира. Угнетенное, но уверенное в своих небольших силах; использующее другие источники. Такое может привлечь только внимательного странника...

Ну вот, отдохнули на перекрестке и пора в путь, дальше идти своей дорогой, осталось лишь выбрать ее... может быть, по дереву, по стволу и ветвям. Хотелось бы закончить тем же, чем начал – цитатой, но другого автора, так же талантливого, менее специфического и, как следствие, более известного – группа «Алиса»: «Своей землей не чувствую ног, меня несет на горизонт». Наконец-то дорога не убегает из-под ног и можно спокойно идти до следующего перекрестка. Встретится ли мне Деревцо еще когда-нибудь на моем пути?

Очерк, рассказывающий про бытие индивидуума, первый

От автора

Давным-давно мне в голову пришла идея сделать конкурс на рассказ, в котором бы не повторялись слова. Причём "слово" понималось очень широко – разное число, склонение и пр. не принимались. Предлоги тоже можно только один раз. Это должен быть связный текст, а не просто набор слов. Конкурс не задался, требования оказались слишком строгими, но сам я написал текст, который соответствовал нормам и который, скажем так, был образцовым, и не участвовал в конкурсе. Оценка того, подходит ли текст для конкурса, соответствует ли он требованиям – субъективна, так как пока не возникало с этим проблем.

Вот мой текст, являющийся примером:

Предисловие

Планета населённая различными расами. Остров, поросший непроходимой чащей, обитаемый дремучими народами.

Действие начинается около склонов далёкой дымчато-сизой горы у чёртовых рогов. Раннее лето, солнце просвечивает сквозь кроны, освещая землю. Тепло желтоватых лучей согревает, побеждая пепельную прохладу туманного утра. Птицы, лениво просыпаясь, прочищают горла призывной, залиистой песней. Заяц чистит пёструю шерстку белой лапкой, настороженно оглядываясь окрест.

Солдаты маршируют вокруг угрюмых тусклых домов, каблуки массивных кирзовых сапог основательно портят верхний мягкий слой почвы, перепахивают крепкий дёрн. Машины рычат моторами, готовые броситься вперёд, раздавить нарушителя законов, подчиняясь строгим приказам Хозяина Страх.

Глава начально-завершающая

Кристалльно чистый воздух омывает каждую клетку помятого тела, промывает истерзанные легкие, звенит, соприкасаясь с поверхностью змеящегося ручейка, бегущего через зелёную, тихую поляну в глуши девственного леса. Вода холодит руку и освежает лицо. Вспоминается шумный, серый город, суетные пустые люди, спешащие свершить свои бессмысленные дела, решить мелочные выдутые проблемы. Ум сразу противопоставляет природе мир, построенный по человеческим правилам, иногда вкусам. Почему всегда сравнение двух, а не более? Да – нет, небольшой выбор. Третий

вариант отсутствует! Неправильная логика ограниченного, несовершенного разума! Можно ли что-то изменить? Думаю возможно, если очень стремиться. Правда, останется человек собой или будет чем-то новым? Кто знает!

Ветер принёс аромат листвы – вонь бензина, сгоревшего масла, людской жизнедеятельности. Пчёлы жужжат над многоцветием благоухающих красочных цветов, множество шмелей летает между цветущих куртинок, растущих на светлых открытых местах. Андрей пошёл извилистой тропинкой среди деревьев, стоящих довольно густо, создающих глубокую тень. Шаги ритмично шуршат жесткой травой, трущейся о легкие чёрные туфли. Сумрак скрадывает острые углы, складывает немислимые образы – пугающие, реже поражающие воображение, вызывающие восхищение.

Парень держит путь к реке, которая служит дорогой военных катеров из красных кирпичных барачков. Собирается украсть лодку, переплыть широкий поток, скрыться под крутобоким мостиком, вблизи развалин старинной церкви. Кажущаяся разрушенность здания только для маскировки содержимого – это действующий храм, крайне специфическое святилище одного монаха, служителя Света. Там найдётся убежище от всех врагов, кров, защищающий посвящённого, способного понять суть происходящего, постигнуть смысл мироздания, осознать собственную незначительность, как части великого замысла Случая. Тут встретят радостным спокойствием, величественным фанатизмом сча-

ствя, но лишь истинно осознавший себя войдет внутрь.

Снаружи буйствует яркая жизнь, за стенами – покой, живая темнота; мозаика, набранная прекрасными драгоценными камнями, соединёнными золотыми прожилками; высокий полупрозрачный купол притягивает превосходным изображением Христа, заставляет выпрямить спину, поднять вверх замученную голову. Боязнь уходит восвояси, Властелин отшатнётся, бездумные слуги растают словно сахар, становясь липким сиропом. Ради этого стоило преодолевать столько трудностей.

Чувствую чудовищный прилив сил, искажающий скучную реальность, делающий беспечным Странником, одаряющий безмерной энергией движения. Черты размываются, облик – невидим, душа ускользает туда, где непознаваемое.

– Здравствуй! Я здесь!

Послесловие

События заканчиваются блаженной нирваной, вследствие цикличности явлений. Его ждет берег борьбы, битвы против рабства, лжи, высокомерия, Смерти – откуда он когда-то явился.

Телевизор в полстены

Мой племянник, хоть ему и всего полтора года, очень любит смотреть в телевизор. Причём давно уже увлёкся этим занятием. Он уже настолько большой и самостоятельный, что ему для этого не нужна помощь родителей, он сам всё может сделать. Опирается на спинку дивана и долго-долго смотрит телевизор, иногда что-то говоря и пальцем показывая окружающим на самые интересные действия в телевизоре. Или возьмёт в руку яблоко и грызёт, не отрываясь от телевизора. Я не знаю, какой канал он смотрит, но, наверное, это канал природа: как не приду, показывают деревья, каких-то птиц, люди ходят, машины ездят иногда. Я и сам раньше любил смотреть телевизор, но вырос и забыл об этом. Племянник снова открыл это времяпрепровождение для меня. Оказывается, интересно смотреть в телевизор. А телевизор этот огромных размеров, в полстены, широкоэкранный. Правда без пульта управления, да и зачем он, если показывает только один канал и сам включается-выключается по расписанию. Утром включается, а вечером сам выключается – удобно, разве что его расписание не всегда совпадает с расписанием ребёнка или родителей. Но всё равно он хорошо помогает – ребёнок долго может смотреть в телевизор и ничего не требовать от окружающих, разве что разделить его интерес на вон ту машинку или птичку.

Племянник мой ещё маленький и говорит иногда на своём загадочном языке. И то, что он называет телевизором, взрослые, почему-то, называют окном.

Выносите частями

Я очень люблю его милую, добрую улыбку, его внимательно смотрящие и всегда добрые глаза, нежное касание его горячих губ, щекотание небольших его усов, люблю чувствовать его сильные объятия и сильную нежность его пальцев при массаже. Люблю его волосы, зажатые между своими пальцами или уткнуться в них носом. Люблю трепать его за бороду, которую он так заботливо подравнивает каждый третий день. Люблю его громкий смех, когда он радуется тому, что может что-то сделать для меня, чего я не могу сама. Люблю до безумия его нежные, подшучивания надо мной и всеми остальными. И даже когда они несколько грубоваты или на грани дозволенного – всё равно люблю. Люблю его неотступную, неотвязную заботу, от которой никуда не деться. Люблю как он вышагивает мне навстречу по улице, широко шагая своими длинными ножищами и весело помахая мне рукой. Люблю его ритуал набивания и разжигания трубки. Люблю готовить ему, а потом смотреть, как он пьёт этот горько-противный напиток из своей любимой сушёной тыквы. Люблю как он перемежает тлеющую трубку с горячей металлической трубочкой для питья, не отрываясь от чтения книги. Люблю рассматривать и гладить его длинные, худые, волосатые ноги, которые он несколько неловко выставляет сидя за столом. Люблю лежать ухом на его го-

лом животе и слушать его внутреннюю жизнь. Люблю как он осторожно, я бы даже сказала, настороженно, потягивает кофе из маленькой чашечки в придорожных кафе. Люблю целовать его совершенно не загорелые грудь и плечи. Люблю ощущать тяжесть его несколько несуразно сложенного тела на себе. Люблю слушать его рассказы о встречах и беседах, лежа головой на жестковатом плече. Люблю его дурачества с друзьями по вечерам у кого-нибудь в квартире или студии, в мастерской. Люблю его полноту жизни, когда он выходит из ванной в полотенце и машет рукой с уже зажжённой сигарой, пытаюсь объяснить свои всем малоясные ощущения от потоков горячей воды по уставшему телу.

Всё это я очень сильно люблю, но самого его переношу с трудом.

Tram number 10

Вообще-то я не люблю пользоваться общественным транспортом, но для трамваев, особенно немецких, делаю исключение. Потому, когда я увидел трамвай на шестерёнках, не смог пройти мимо. И оказалось правильно, что не прошёл, но сначала нужно рассказать, как я его нашёл.

Я не люблю жару, но сидеть дома иногда хуже, чем гулять – там хоть ветерок обдувает, и за интересными мыслями забываешь о жаре. С этими мыслями я отправился в путь, хотя не знал, куда он лежит, точнее, я хотел попасть в одном месте, которое давно присмотрел, но это была единственная предустановленная точка маршрута. Таким образом я поднялся на характерный для города холм и увидел не менее типичную картину: среди зелени на склонах разбросаны уютные домики, коттеджи или виллы, с черепичными крышами, примерно начала двадцатого века, а в долине похожие дома, но большие, кучно сгрудились между парой церквей. Я решил, что было бы неплохо зайти в одну из них, посидеть там в прохладе. Люблю готические церкви. Но задуманному не дано было случиться, так как узкая дорога-лестница привела меня на раскалённую площадь, на которой я и увидел тот самый трамвайчик. Маленький, в один вагон, но с площадкой для велосипедов на носу. Ну как на носу, на одном из концов вагона, только в одну сторону это был нос и машинист видел

их перед своим носом, обратно трамвай вилял площадкой как хвостиком. Жара была такая, что даже сдача из автомата по продаже билетов выпадала почти обжигающей. Но почему трамвай на шестерёнках, спросите вы. Чтобы не скатиться обратно. Дело в том, что почти весь его путь проходит по улочкам, идущим под 30-45 градусов, так что в центре, между обычных рельсов, проложена дополнительная, с зубцами.

Трамвай именовался десятым, правда, почему – мне не ясно. Вообще тут весь транспорт имеет приставку S или U, полуназемное метро или полуподземный трамвай, соответственно. А эта прелесть гордо носит безбуквенный номер 10. Наверное, где-то есть ещё девять таких же оторвышей, отделённых от общей транспортной сети. Или просто он десятый, так как и остановок у него всего десять. Не знаю, но с удовольствием проехал все десять, от кольца до кольца, точнее, от тупика до тупика. Почти пригородный маршрут или парковый. Перевёз он меня из города раскалённого камня на холм, с которого нужны было спускаться. Пришлось идти между виноградниками по узкой асфальтированной дорожке, на которой тот же неподвижный, сильно прогретый послеполуденным солнцем воздух, не казался таким удручающе горячим. Склон такой крутой, что с одной стороны дорожки была каменная кладка, иногда становившаяся выше моего роста. Камни старые, местами замшелые, а некоторые превращены в барельефы, из которых можно понять, что сделана кладка в конце 18-го века, а обновлена двести

лет спустя. И так я шёл по узкой дорожке, с которой никуда не свернуть – с одной стороны заборы, а с другой местами в каменной кладке встречались лишь выложенные тем же камнем лестницы, ведущие к узеньким калиткам. А вокруг зеленел виноград. Почти на всех калитках было написано, кто хозяин и какой сорт винограда растёт. А подкрепиться можно лишь зеленоватыми редкими сливами да горячей мелкой ежевикой (чёрная на солнце). Дорога эта привела к церкви, к сожалению, закрытой и к улице, которую мне нужно было перейти. Оказалось это непросто, так как именно в этот момент начинался парад толерантности (может быть, поэтому церковь была закрыта?). Я бы не заинтересовался парадом и мне не пришлось бы знакомиться с его содержанием, но мне очень хотелось перейти эту улицу, чтобы попасть в любимое кафе, где можно сидеть с бокалом или кружкой холодного тёмного пива под буками, наблюдать, как от них иногда отваливаются куски коры и с сухим трескучим звуком падают на тротуарную плитку. Где можно сидеть и смотреть на пруд с черепахами (на суп их не пускают) и слушать колокольный звон готической церкви стоящей на берегу пруда.

Межстрочный Париж

Я никогда не был в Париже, но понял, что всё же люблю его. Люблю парадный, строгий город, который начался для меня, конечно же, с Нового моста и Д'Артаньяна. Город дворцов, балов, зеркал и шпаг. Контраста благородства и коварства, доблести и яда. Но город здесь лишь фон, недостаточно блестящий, чтобы быть заметным на фоне ярких героев. Красивый и чистый, но незаметный город.

Знаком мне и другой город – религиозный. Он сконцентрирован вокруг башен и гаргуль, колоколов и шпилей, фресок и розеток с витражами. Он заполнен беднотой, попрошайками, ворами, поэтом и цыганкой с козочкой. Здесь власть бога и церкви борется с любовью. Льются нечистоты, кровь и свинец. Великая архитектура тянется к небу пока бумага его, небо, не заслонила; город растёт и заполняется, но он всё ещё фон, пусть и горельефный, объемный, но неживой, он в лирических отступлениях. Он всё ещё рукотворный, как карта или макет вида с башен собора Богоматери.

Значительно лучше я знаю другой Париж. Без дворцов, но с парками, без соборов, но с двориками, где на солнце греются многочисленные кошки. Где часто дождь и приходится поднимать воротник к самому подбородку. Или прятаться в кафе, пить дрянной кофе и курить бесконечные сигареты, смотря в окно. Уходить в галереи, полные ароматов и лю-

дей, страха и любви. Где в тёмных уголках видится убийца, а в светлых ему перемывают косточки. Где страх распыляет страсть и влечёт к себе неодолимо из обычной жизни под серым непостоянным и далёким небом. Париж – город-лабиринт, где можно потеряться, затеряться, но всё равно каждый раз встречаться на мосту Дез-Ар. Не договариваясь. А потом ловить листья на ветру и собирать цветные проволоки на тротуарах. Греться кальвадосом в кафе и смотреть на звёзды на пустыре, единственном месте в Париже, где небо дороже, чем земля. Тратить без толку своё время и чужие деньги. Слушать музыку в маленьких комнатках под крышей и, чувствуя чужие ботинки под собственной спиной, обсуждать метафизику и кто же в этом составе бэнда играет на саксе.

Потеряться в городе, как в собственной голове. А что тут ещё можно сделать, когда сосед сверху истерично стучит в пол, лампа стоит на полу, а ребёнок уже мёртв? Промокнуть до нитки, но находить удовольствие от распития бутылочки вина холодной ночью с клошаром под мостом. В городе, где знакома каждая набережная и иногда хочется просто стоять на мосту и плевать вниз, в воду.

Этот Париж разваливается на куски, но никак не может развалиться, так как разваливается сам в себя, сам себе строит мосты от себя к себе, через себя. Мосты, везде мосты. И вода, она даже заливается за воротник и невыносимо хочется курить, но пачка тоже промокла, а Мага... её нет на мосту.

Но есть ещё Пола. Пола – полюс Парижа. И город не фон, не рисунок, он действующее лицо, которое заставляет людей и голубей ворковать, любиться под крышами и жарко целоваться в грязных подъездах, пока не вспугнёт клошар, ищущий место для ночлега. Пола и Мага два полюса одного города, их нет без газет, которых несёт по улицам ветер, без Голуза в подворотне, каменных набережных и фонарей на мостах. И без ночей, конечно. Бесконечно длинных ночей под теми самыми фонарями и, иногда, в дешёвых отелях, где грязное бельё, но плотно занавешенные окна выходят на кладбище.

Город, который я не видел своими глазами, но знаю многие его закоулки, его жителей и его, Парижа, привычки. Пить кофе с круассанами из соседней лавки, кокетничать с продавцами, с удовольствием выслушивая их комплименты. Бродить по улицам, рассматривая витрины и изучая прохожих, строить догадки кто они и зачем тут идут. Баловаться сидя в открытом кафе и слышать корабли на реке. А ещё, конечно же, букинисты на набережной! Пройтись по знакомым рядам, поздороваться, посмотреть что нового. А потом зайти в музыкальный и купить ранее незамеченную пластинку Чарли Паркера и, неся это сокровище под полой пальто, на скорую руку выпить рюмочку в любимом кафе и пригласить Этьена на прослушивание.

Это всё мир города Парижа, который существует в строках и буквах. Мир огромный и маленький одновременно, ла-

биринт на полюсе. Имеет ли он какое-то отношение к реальному городу? Что я увижу, приехав туда, на эти улочки Латинского квартала, набережные, к дворцам и галереям? Нет, это не будет город любителя матэ, но это не будет и изменившийся город-лабиринт. Своими глазами я увижу не строки, в совсем другой город, город похожий на остальные, на Петербург.

И только вернувшись в Петербург и, пройдя уже по его набережным под мелким осенним дождём, я найду, где-то между летящих капель, те строки, те туфли, что имеют столь тонкую подошву, что в дождь вода хлюпает даже в душе. И всё же хорошо, что в городе много воды...

Дэва вероятности

*Я устал быть послем рок-н-ролла
в неритмичной стране.*

Б.Г.

Иван не был православным, хотя был крещён при рождении. Иван не был буддистом, хотя в его алтаре, перед которым он сейчас стоял на коленях, присутствовали две скульптуры Будды разных традиций. Иван не был индуистом, хотя на него сверху смотрели Шива с Кришной.

Иван считал себя общедуховником, экуменистом, смешивателем всех религиозных течений, заимствователем всего лучшего из разных учений. Как определить, что в религиозных и философских взглядах самое лучшее? Очень просто: то, что нравится, то, что получается делать, когда это касается практики. Сложные асаны у Ивана не получались, потому он бил поклоны алтарю и лишь иногда медитировал на дыхание. Однако нравственность в некотором виде у него присутствовала, потому алкоголем он не увлекался, не пытался оправдать его употребление эзотерическими умопостроениями. В целом Иван Дмитрич был обычным человеком, которому чего-то не хватало в обычной жизни, что-то он искал. То ли приключений на пятую точку, то ли вечного покоя —

пока не определился.

Жизнь в маленькой квартирке на окраине мегаполиса и работа на скучной офисной работе способствовали таковым поискам: свободное время есть, интересных занятий и друзей – нет. Можно свободно заниматься самокопанием и изучением эзотерических сайтов даже в рабочее время, а вечером попробовать на деле различные практики визуализации и йогу с медитацией.

Однако мы оставили Ивана молящимся Будде перед домашним алтарём, где представлены практически все святые популярных религий. Точнее это Иван считал, что он молился Будде, на самом же деле, он просто изливал поток эмоций куда-то в пустоту перед собой – тяжёлый выдался день, напряжённый и неприятный. Надо отдать должное, что практиковал Иван Дмитрич честно, с полной самоотдачей, можно сказать – с душой. Именно это и явилось началом истории.

После эмоционально насыщенной молитвы Иван решил отдохнуть в медитации, там же перед алтарём. Удобно сел скрестив ноги, закрыл глаза и сосредоточился на своём сбивчивом дыхании, но что-то пошло не так. Перед его взором появился какой-то светящийся туман, хотя глаза были плотно закрыты. Он открыл глаза – свет пропал. Глюки пошли, что ли, подумал Иван, но слегка успокоился и продолжил медитацию с мыслями о том, что это Мара пытается помешать медитировать.

Мара, или просто глюки, продолжали мешать, так как сто-

ило закрыть глаза, и странный голубоватый свет вернулся. Вдобавок появились слуховые галлюцинации:

– Здравствуй, Иван... – Раздалось где-то, как показалось Ивану, в области алтаря. – Здравствуй...

Иван снова открыл глаза – ничего не изменилось: никакого движения, никаких личностей, никаких лишних источников света, даже тени не шевелятся, статуэтки божеств молчат.

– Вот же ж Мара что творит, что б его! – Чуть слышно сказал Иван, но позу не сменил, он был упорным человеком.

Третья попытка пошла не лучше, но он решил не реагировать, что первое время у него получалось, пока не услышал:

– Не бойся, это не галлюцинация. Ты создал меня, я реально существую. Я не Мара, просто дэва, существо из верхнего мира. Из мира, который создаётся человеческой психикой и эмоциями, так же как и его существа. Ты, Иван, искренне отдавал свою психическую энергию большим потоком в наш мир, потому появился я.

– Дэва? Это что-то типа бога, да?

– Можно сказать и так, но не Творец, не Создатель, а просто существо из другого мира.

– А что тогда ты делаешь в нашем мире?

– Ничего, меня нет в вашем мире, только голос.

Голос, между прочим, был непонятный, шедший неизвестно откуда, или звучащий прямо в голове, причём такого тембра и тональности, что Иван не мог представить (визуа-

лизировать, как принято говорить у эзотериков) обладателя этого голоса.

– А зачем ты говоришь со мной?

– Чтобы ты узнал, что создал меня.

– Хм, а зачем мне это нужно? Я, вообще-то, не планировал никого создавать...

– Зачем же ты тогда посылал столько психической энергии в наш мир? – Кажется, Ивану удалось заставить дэва удивиться.

– Не знаю, у нас принято молиться... наверное, это и есть передача энергии.

– А кому ты молился?

– Кому-то... не могу сказать, что кому-то определённом.

– Ясно. Вот потому ты и создал меня – энергия не терпит пустоты. Если бы ты молился кому-то конкретному, то кормил бы уже существующего дэва, а так создал нового. Поздравляю!

– А какие дэвы уже есть?

– Ещё не выяснил, но это должны быть те, которым молятся люди.

– Христос – это дэва? Будда?

– Наверное, поищу их в своём мире.

– А ты только разговаривать можешь? Или ещё что-то? Чудеса там? Камни двигать, кусты поджигать, воду в вино превращать?

– Нет, дэвы это не умеют. Мы можем только косвенно воз-

действовать на ваш мир.

– Косвенно? Это как?

– Менять вероятности.

...

Первые дни Иван просто развлекался и изучал возможности. Оказалось, что всё непросто: дэва собирает психическую энергию, и часть её может тратить на изменение вероятностей в будущих событиях. Это могут быть простые вещи, типа подбрасывания монетки, а могут быть сложные, вроде непопадания под машину. На простые тратится мало энергии, но только если они не связаны с глобальными изменениями: сделать так, чтобы кубик выпал шестёркой – легче лёгкого, только если на кону не стоит миллион баксов. Как рассчитывается трата энергии Иван не смог до конца понять, но дэва быстро просадил всю энергию, выполняя мелкие прихоти.

Пополнять запас энергии оказалось не так просто: да, молиться конкретному дэву, с которым разговариваешь – не очень сложно, но концентрироваться на процессе стало сложнее – постоянно хочется что-то спросить, узнать у него. А ещё оказалось, что не так уж и много у него этих непонятных психических сил, хотя, дэва сказал, что у него их значительно больше, чем у обычных людей.

– Именно потому тебе и удалось меня создать, что ты от-

личаешься количеством психических сил. Тебе их хватило на создание полноценного дэва, что редкость, обычно людей хватает только на подпитку уже существующих.

– То есть, если я правильно тебя понимаю, основатели религий – это как раз те, кто смог создать дэвов.

– Да, именно.

– А их последователи просто подпитывали, придавали ему силу.

– Да.

– Значит, психическая энергия последователей, посредством дэва, переходила в распоряжение того, кто создал дэва? Мне нужны последователи...

– Не совсем так, можно настраивать систему.

– То есть?

– Те, кто молятся, передают свою психическую энергию, тоже могут ею управлять, но в том размере, в каком установит творец дэва. Ты можешь сказать: половину энергии кидать в общий котёл, а половину закреплять за молящимся. Или 90% – в котёл, а 10% – последователю. Общий котёл – то, чем может распоряжаться создатель. Ну, за вычетом идущего на поддержание дэва.

– А как последователи могут использовать энергию?

– Так же как ты, только без непосредственного общения: в молитве просят о чём-то или потом, когда мечтают о чём-нибудь или жалуются. Редкие святые выходят на прямой контакт с дэвом.

– И как, действительно помогает?

– Ну... зависит от человека, его заслуг в плане энергии и того, как и что он хочет. Если он постоянно чего-то хочет, то энергия тратится на всякие мелочи, так как не успевает накопиться для солидных изменений. Так чаще всего и случается, даже если человек прилежно молится и отдаёт много психической энергии. Большинство даже не знает с чем имеет дело, не понимает как рационально использовать.

– Религия и рациональность, ну ты сказал. Кстати...

– Да?

– Ты – дэва, а какого ты пола?

– Никакого.

– Это как? Среднего?

– Нет, именно что никакого: наш вид дэвов не имеет половых различий, точнее наличий. Нет половой основы, так что нельзя сказать, что у меня есть какой-то пол.

– Как сложно и интересно... запомню и спрошу позднее, так как сейчас мне важнее прикладной аспект: хочется дать тебе имя, чтобы как-то называть, но женское или мужское?

– Как тебе удобнее, мне всё равно. Хоть диваном или умклайдетом назови.

– Назову-ка я тебя... Алисой. Ты не против?

– Нет, мне всё равно, как тебе удобнее.

...

Так и жили Иван Дмитрич и Алиса: каждый в своём мире, но с голосовым управлением. Иван, послушав рассказы про обывателей, задумался и решил не тратить энергию просто так, а копить и не высказывать всякие глупые хотелки. Накопить на что-нибудь значительное и оппа! – получить это. Но что значительное? Много денег выиграть в лотерею можно, но это скучно. Алиса сказала, что энергии на это нужно много. Устроить счастливую случайность и встретиться с девушкой своей мечты так, чтобы она в меня влюбилась? Ну, не знаю... как-то нехорошо это, нечестно по отношению к ней, наверное. Да и получится ли – в таком деле на одних подкрученных вероятностях далеко не уедешь.

Так что жизнь особо не поменялась, разве что спектр сайтов, на которых Иван просиживал на работе, несколько изменился – он начал искать информацию про людей, которые в прошлом создавали дэвов, вдруг получится научиться чему-то из их историй. Сведений и баек в интернете море, но найти что-то толковое сложно, особенно по такой тематике как дэвы, исправляющие вероятности.

Вдруг Ивану в голову пришла неожиданная мысль: нужно завести последователей, чтобы они молились на Алису, отдавали свою психическую энергию и подпитывали его баланс. Пусть им что-нибудь перепадает, конечно, должен быть

какой-то стимул, но и ему небольшой бонус будет за просто так. Как же это реализовать? Кому предложить, как научить правильно молиться? Причём правильно молиться именно Алисе, чтобы энергия не уходила куда-то на сторону.

Он с трудом дождался окончания трудового дня: не хотел общаться с Алисой на работе, чтобы не подумали, что сумасшедший или ещё что. Бегом, не думая о вероятностях попасть под машину, он добрался до дому и тут же сел, скрепив ноги перед алтарём, – так ему проще всего было общаться с Алисой. Это получалось и в других местах, но тут контакт был самый надёжный, лучше всего было слышно.

– Алиса, нужно ли тебе бороться с другими дэвами? Делить зоны влияния, территории, людей... не знаю, что там ещё.

– Знаешь, я пока так и не встретила ни одного другого дэва.

– А ты где смотрела?

– По мере того, как увеличивается запас сил, я могу обитать на всё большей территории, пока в основном там, где ты часто бываешь, дом, работа, путь оттуда сюда. Ни разу ещё не пересекалась ни с одним дэвом, даже со следами.

– Хм, странно. У нас же много религиозных людей, они, я думаю, часто молятся?

– Кому?

– Христу, там, Аллаху, Кришне... не знаю кому ещё.

– Думаешь многие искренне молятся? И все ли христиане

молятся одному и тому же Христу.

– Нет, не все, есть же православные, католики, протестанты...

– Уточню: думаешь все православные молятся одному и тому же Христу?

– Ещё святым молятся.

– Нет, речь не о том: те, кто молятся Христу, они имеют в виду одного и тоже дэва?

– Не знаю.

– Как показывает опыт и наблюдение за потоками психической энергии очень мало кто молится так, что источает энергию в наш мир. И большинство из этих молятся каким-то своим образом, даже если стоят перед Образом. Но давай проверим: своди меня в православный храм, посмотрим, найду ли я там, но в своём мире, кого-нибудь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.